

И. А. Горьков

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В рамках социально-философского и культурологического дискурса анализируется ценностно-нормативная специфика феномена рациональности практической деятельности. Определяются функции философского образования в условиях системного кризиса современной цивилизации. Философское образование рассматривается как средство повышения рациональности мышления и практической деятельности.

This article analyses the axiological features of the phenomenon of rationality of acting in the framework of social-philosophical and cultural discourse. The author identifies the functions of philosophical education in the conditions of system crisis of modern civilization. Philosophical education is considered as a means to increase rationality of thinking and acting.

Ключевые слова: рациональность, философское образование, ценности, системный цивилизационный кризис.

Key words: rationality, philosophical education, values, system civilization crisis.

Понятие рациональности в западной философии традиционно рассматривается в двух взаимодополняющих аспектах: рациональность мышления и рациональность практической деятельности. Каждый из них неизменно связан с проблемой определения рациональности как таковой.

Спектр всевозможных определений и пониманий рациональности довольно широк: от сугубо логических до общемировоззренческих. Интерпретация понятия «рациональность» может быть предельно широкой («разумность» вообще) или узкоспециализированной («локальная» рациональность [3]). Опираясь на традицию в понимании рацио-

нальности, развиваемую в современной отечественной философии такими исследователями, как В. С. Швырев и В. Н. Порус, дополним этот перечень интерпретацией, которую можно обозначить «ценностно-нормативной» или «валюативной» [18]. Рациональность здесь понимается прежде всего как ценность или система ценностей, а теоретическая задача состоит в дальнейшей конкретизации ценностного содержания данного понятия. В. Н. Порус пишет: «Если рациональность — это не более чем логическое выведение следствий из посылок, то прагматик всегда найдет именно те посылки *ad hoc*, какие ему будут нужны для “оправдания” его действий. Так Разум становится всего лишь инструментом для удовлетворения потребностей» [14, с. 419–420].

Если рациональность сама понимается как ценность, то все, что попадает в сферу «оцениваемого», должно быть разделено на рациональное (положительная оценка) и нерациональное (отрицательная оценка). Однако при такой дихотомии вопрос о возможности плюрализма рациональностей оказывается некорректным, что в перспективе приводит к авторитаризму монопольной рациональности по отношению к другим, менее «рациональным». Если же рациональность рассматривается как система ценностей, то данное противоречие снимается за счет отказа от дихотомии в пользу плюрализма уникальных, несводимых друг к другу типов рациональности. Формально-логически понятие рациональности есть результат абстрагирования признака «быть рациональным», а значит, представляет собой некое качество (свойство).

Исходя из вышеуказанного, воспользуемся следующим рабочим определением: *рациональность есть свойство теоретической или практической деятельности соответствовать системе ценностей, основанной на приоритете разума.*

Устанавливая данное соответствие, мы оцениваем исследуемый объект, следовательно, рациональность в таком контексте представляет собой ценность. Здесь рациональность является ценностью не сама по себе, а лишь будучи соотносенной с *системой ценностей*. Ее структура напрямую определяется избранным типом рациональности. Другими словами, рациональность — инструментальная ценность (средство), в то время как финальной ценностью (целью) будет разум. Не касаясь сложного вопроса об атрибутах *разума* и составляющих разумности, укажем на то, что слово «рациональность» восходит к слову «*ratio*», т. е. разум, вследствие чего указанные понятия представляются неразделимо связанными.

Итак, принятое понятие рациональности подразумевает плюрализм различных несводимых друг к другу типов рациональности, который, однако, исключает релятивизм, поскольку соотносится с разумом и соответствующей системой ценностей.

Понятия ценности и системы ценностей мы будем использовать в регулятивном социокультурном контексте, не имея в виду ценности материальные, также играющие принципиальную роль в социальных процессах. Здесь ценность может пониматься двояко: как «объективная значимость предметов человеческой деятельности в их соотносительности с потребностями людей» или «система идеальных интенций (установок

и предпочтений), выступающих как предписания человеческого поведения, взятого в “модальности долженствования”» [11, с. 73]. Не затрагивая непосредственно аксиологическую проблематику, будем рассматривать ценности как регулятивы социальных действий, более-менее общезначимые (в зависимости от социальной среды) ориентиры деятельности и отношения к действительности. Отметим, что понятие ценности выражает положительную значимость объекта для человека.

Рациональность в принятом выше понимании напрямую связана с социальным бытием и представляет наибольший интерес именно в качестве *рациональности практической деятельности*, так как в область исследования попадает все многообразие социальных связей и отношений, рациональное содержание которых выявляется при реконструкции отдельных социальных актов или системной динамики в целом в зависимости от задач исследования. Таким образом, любая из четырех подсистем общества (организационная, информационная, материально-производственная и социальная), а также любой социальный институт могут быть подвергнуты анализу на предмет их соответствия тому или иному типу рациональности. Под рациональностью практической деятельности мы будем понимать многообразие проявлений одного из типов рациональности в конкретных сферах общественной жизни (экономика, политика, право, образование и др.).

Упомянутая связь рациональности практической деятельности с системой ценностей приводит к вопросу о том, каким именно ценностям должна соответствовать деятельность, чтобы мы могли оценить ее в качестве рациональной. Предпочтителен, на наш взгляд, подход к подобным ценностям с позиции их социальной значимости. Социальная значимость в таком контексте измеряется при помощи соотнесения данных ценностей с фундаментальными характеристиками не конкретных обществ, но социума в целом. Это ценности, обеспечивающие устойчивое функционирование и развитие социума посредством трансляции социального опыта и социального капитала.

Возможные средства трансляции данных фундаментальных социальных ценностей можно сопоставить с различными типами мировоззрения: мифологическим, религиозным, научно-техническим, каждый из которых исторически занимал место центрального регулятора социальной рациональности, однако на современном этапе все они демонстрируют свою недостаточность, несмотря на перманентные попытки их реформации. Эта недостаточность проявляется в информационной закрытости, отсутствии целостного восприятия человека, невозможности диалога друг с другом. Так, если религия и миф строятся на принципиальном отказе от классического рационализма, то научная картина мира его гиперболизирует, исключая из сферы рассмотрения ценностно-нормативную составляющую. Опасность же преваляирования каждого из упомянутых типов мировоззрения была неоднократно проиллюстрирована мировой историей. Существует и иной тип мировоззрения, лишенный вышеуказанных недостатков, — философия, который в силу интегральности своего предмета и системности собственной методологии может претендовать на роль центрального типа мировоззрения и быть каналом трансляции рациональной системы ценностей.

С периода становления в Античности и по настоящий момент философия как вид мировоззрения с переменным успехом выполняла функцию трансляции социально значимых ценностей. Именно в античном философском мировоззрении нашли отражение базовые ценности, впоследствии составившие содержание классической европейской рациональности. Она (западная рационалистическая традиция [16]) представляет собой идеальный тип, не встречавшийся в истории в чистом виде, однако основное содержание этой парадигмы берет истоки в Греции в период осевого времени. Отличительной особенностью данного типа рациональности является установка на примат разума. Он здесь выступает как финальная ценность [6, с. 227], которой соответствует система инструментальных ценностей: свободомыслие, критичность, рефлексия, толерантность и др. Однако разум может пониматься и как инструментальная ценность по отношению к человеку как ценности финальной. Социальная значимость таких ценностей не меняется со временем [17].

Если, согласно нашему определению, разум — центральный элемент любой рациональности, то разница заключается в понимании сущности разума, его природы, границ применения и критериев разумности. Именно классическая античность рождает идею свободного аналитического разума. Идею, которая продолжает существовать, несмотря на многочисленные попытки ее дискредитации в истории западной культуры. Принципиально важен факт того, что греки первыми поняли — разум есть атрибутивное свойство человека. Эта мысль оказалась исходным пунктом всей философии, в свою очередь, ставшей специализированной деятельностью, в которой нашли свое отражение ценностные основы западной рациональности.

На более позднем этапе развития философия, усложняясь и дифференцируясь, начинает испытывать потребность в особом институте, обеспечивающем воспроизводство усложнившейся философской информации и называемом философским образованием.

Институт философского образования выполняет две главных функции: во-первых, это подготовка новых специалистов в области философии; во-вторых, воспроизводство общественного интеллекта. Первая из них удовлетворяет потребность в поддержании существования самой философии, поскольку отвечает за сохранение и трансляцию специальной информации и профессиональной философской культуры личности. Вторая же является средством передачи базовых ценностей специфического философского типа мировоззрения, принципов мышления и деятельности, которые сформировались в философии на начальном этапе ее становления.

Если одна из вышеуказанных функций (воспроизводство самой философии) философского образования не нуждается в обосновании своей необходимости, то с другой (воспроизводство общественного интеллекта) дело обстоит несколько сложнее. Тому есть несколько причин: во-первых, сомнение в ценности интеллекта как такового в явных и чаще в неявных формах, к которым относятся разнообразные способы деинтеллектуализации общественного сознания и основанные на ней способы социального манипулирования; во-вторых, дискредита-

ция интеллекта в рамках классического рационализма как симптом кризиса проекта Просвещения; в-третьих, сложность в определении атрибутов разума и разумности. Однако если мы понимаем разумность как атрибут человеческой природы, а разум как родовое свойство человека, неразрывно связанное с социальностью, рациональность практической деятельности становится показателем проявленности разума в социальных практиках. Институт философского образования в связи с этим оказывается основным средством устойчивого воспроизводства рациональности мышления и рациональности практической деятельности.

Философское образование является основным модусом существования и развития профессиональной академической философии, берущей свои истоки в античной Греции и воспринявшей ценностные ориентиры классической рациональности. Так, приоритет рефлексии, критической установки, толерантности, самоценности личности представляют собой систему необходимых ориентиров современного человечества в целом, однако в околоинтеллектуальном пространстве сегодняшней культуры обращение к ним превращается лишь в популизм и беспредметную риторику. Функция сохранения данных интеллектуальных ориентиров – прямая задача института философского образования, по меньшей мере потому, что сама проблематика рациональности и постановка вопроса о ее ценностном содержании возможна только в рамках философского дискурса.

Основой философии на протяжении всей истории оставались ее критико-рефлексивные функции, которые становятся наиболее востребованы в кризисные моменты общественного развития. Именно такие исторические моменты проявляют перманентный конфликт индивидуального и социального, выражающийся в ограничении свободы воли и утрате свободы выбора, а также демонстрируют несоответствие существующей парадигмы рациональности запросам общества. Подтверждением актуальности данной проблематики могут, в частности, служить работы следующих авторов: Н. Н. Моисеева, А. П. Назаретяна, В. С. Степина, А. С. Панарина, А. С. Арсеньева, В. Н. Поруса и др. Примечательно, что многие труды, затрагивающие тему кризиса современной цивилизации, так или иначе касаются вопросов рациональности практической деятельности.

Синергетическое понятие «системный кризис» отражает взаимосвязь отдельных кризисных проявлений различного масштаба и указывает на невозможность их пошагового преодоления. Системный кризис современной цивилизации стал результатом углубления и взаимопроникновения отдельных кризисов, диагностированных на протяжении последнего столетия: кризиса культуры, экологического и антропологического. При целостном рассмотрении наибольшую актуальность приобретает тема перспектив, стоящих перед человечеством. При этом разные авторы делают акцент на различных проявлениях системного кризиса. Вот лишь некоторые из них: угроза исчезновения человека как биологического вида в связи с нарушением

экологического равновесия [5; 9; 10]; демографический кризис [5]; новый виток кризиса культуры [13].

Несмотря на различные подходы к проблематике системного кризиса сегодняшней цивилизации, большинство исследователей сходится в одном: его преодоление с благоприятным сценарием возможно лишь при условии кардинального пересмотра системы ценностей [1; 4; 7; 9; 10; 12; 13]. Причем определяющая роль отводится ценности разума [10].

Принципиальная антропологическая и гуманистическая модальность философского мировоззрения проявляется в его ценностно-корректирующем и ценностно-созидающем потенциале, в его аксиореативной функции [9; 10].

Здесь мы возвращаемся к философскому образованию как основной форме воспроизводства этой модальности.

Философское образование в теоретическом и практическом его проявлениях имеет давнюю историю: античные Академия и Ликей, средневековые университеты, Просвещение XVIII в., проект И. Канта и др. Функциональная значимость философии в системе образования заключается в институционализированном распространении ценностей, приобщении людей к духовному наследию человечества, выработке навыков рефлексии, критического осмысления и последовательного рационального мышления. Это позволяет нам и сегодня признавать за философским образованием функцию трансляции культуры свободного мышления, поскольку «обучение свободному, рефлексивному мышлению помогает людям сопротивляться различным формам пропаганды, фанатизма и нетерпимости, так философия учит миру и ответственности, позволяет противостоять вызовам современного мира, особенно в области этики» [15, с. 5].

Выше мы приняли предпосылку о несопоставимости различных типов рациональности в пользу их плюрализма. Очевидно, что тотальный плюрализм является не более плодотворным, чем абсолютный монизм. Избегая оценок в отношении рациональности, мы попадаем в ситуацию постмодернистской «мультипарадигмальности», полного уравнивания множества рациональностей вне зависимости от их содержания. В перспективе такой плюрализм приводит к необходимости допущения даже типов рациональности, противопоставляющих себя подобной толерантности и исключающих данный плюрализм. Поскольку было бы неправомерным предлагать идею всеобщей рациональности, укажем главные требования, которым должен соответствовать тот или иной тип рациональности в условиях современной цивилизации:

1. Ориентация на разум как на неотъемлемое свойство человека, как ценность-средство по отношению к ценности-цели — самому человеку.

2. Основанная на приоритете разума система инструментальных ценностей второго порядка. Сюда относятся ценности критичности, рефлексивности, логичности, толерантности, гуманизма и др.

3. Открытость и целостность. Это требование предполагает включение в рациональность определенной «иррациональной» (или внера-

циональной) компоненты и признание невозможности полной формализации мышления и практической деятельности.

Соответствие приведенным требованиям есть свидетельство социальной адекватности того или иного типа рациональности. Получая реализацию в практической деятельности (сфера управления [2], образования и др.), такой тип может содействовать эффективным действиям по преодолению системного цивилизационного кризиса, не претендуя на роль монополярной парадигмы.

Симптомы современной цивилизации: экспоненциальный рост информации и, как следствие, «клиповое сознание», глобализация, обобщающаяся глобальной культурной стандартизацией, развитие технологий манипулирования сознанием, столкновение цивилизаций (проблемы «Восток — Запад» и «Север — Юг») и множество других кризисных явлений, ставящих под вопрос возможность существования человека как биологического вида (по меньшей мере, в его классическом понимании). Философское образование и транслируемые посредством него ориентиры рациональности представляются эффективным инструментом возможного снижения негативных последствий данных явлений [8]. Например, институт философского образования служит каналом воспроизводства критериев отбора информации, что в перспективе может помочь человеку ориентироваться в ситуации гиперинформатизации; ценность толерантности, примененная в качестве императива, становится необходимым условием избавления от религиозного фанатизма и ксенофобии и т. д.

Таким образом, вопрос о рациональности практической деятельности связан с вопросом о философском образовании, создающем условия для постановки и разрешения первого. Более того, институт философского образования — средство воспроизводства и развития ценностей-критериев, в соответствии с которыми выполняется оценка социальных явлений на предмет их рациональности или нерациональности.

Возрастание роли философского образования, главного средства воспроизводства ценностей классической европейской мировоззренческой парадигмы, становится путем к преодолению постмодернистского кризиса мультипарадигмальности рациональностей (полного равноправия всевозможных типов рациональности вне зависимости от их содержания) и аномии через аксикреацию на уровне финальных и инструментальных ценностей. Сама же философия по причине своего системно-интегративного характера оказывается инструментом подобного переосмысления.

Итак, если проблематика современного цивилизационного кризиса связана с проблематикой рациональности, то, чтобы справиться с ним, нужно осмысление основных составляющих классического европейского типа рациональности, которые в своем содержании выступают инструментальными ценностями по отношению к финальным, т. е. необходимым для воспроизводства социального организма. Если воспроизводство этих инструментальных ценностей является прерогативой и сущностью философии, то институт философского образования — тре-

буемый канал их трансляции. Философское образование представляет собой средство для возможного разрешения кризиса рациональности и, как следствие, повышения рациональности практической деятельности.

Список литературы

1. Бохеньский Ю.М. Духовная ситуация времени // Вопросы философии. 1993. №5. С. 94–98.
2. Диев В.С. Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. 2010. №8. С. 35–41.
3. Ивин А.А. Рациональность // Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 719.
4. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997.
5. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. Изд. 3-е. М., 2003.
6. Кармин А.С. Культурология. М., 2000.
7. Киселев Г.С. «Кризис нашего времени» как проблема человека // Вопросы философии. 1999. №1. С. 40–52.
8. Миронов В.В. Проблема образования в современном мире и философия // Отечественные записки. 2002. №2. С. 30–35.
9. Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству? М., 1999.
10. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. №1. С. 3–30.
11. Момджян К.Х. Введение в социальную философию М., 1997.
12. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование. М., 2004.
13. Порус В.Н. Обжить катастрофу. Своевременные размышления о духовной культуре России // Порус В.Н. У края культуры (философские очерки). М., 2008. С. 408–433.
14. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002.
15. Труфанова Е.О. Преподавание философии в мире (обзор исследования ЮНЕСКО «Философия. Школа свободы») // Вопросы философии. 2008. №10. С. 3–19.
16. Серль Дж. Рациональность и реализм: что поставлено на карту? // Путь. 1994. №6. С. 192–217.
17. Смирнов П.И. Фундаментальные ценности общества: универсальная типология URL: <http://credonew.ru/content/view/1029/65> (дата обращения: 07.04.2012).
18. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М., 2003.

Об авторе

Игорь Александрович Горьков – ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: gorkov.ia@gmail.com

About author

Igor Gorkov, Assistant lecturer, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: gorkov.ia@gmail.com